

Недоступен ни один перевод.

Каким был в действительности русский крестьянин? Крестьянин отнюдь не был неким бессловесным исполнителем сельхозработ на барском поле, он выступал скорее как сотрудник, хотя и в подчиненном положении. Не помещик был главным носителем агрономических, зоотехнических, полеводческих знаний, а крестьянин; и был он своему барину советчиком и прекрасно знал цену собственным знаниям, опыту, сноровке; осознавал он и место своё, и предназначение в государстве - ДЕРЖАВЕ!

Приходилось крестьянину заключать договоры как со своим, так и с соседскими помещиками, купцами, подрядчиками, односельчанами, а это уже определённый уровень взаимоотношений, предполагающий признание сторонами неких качеств, тождественных собственным, и в первую очередь чести и достоинства. Ещё Пушкин писал: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» Александр Сергеевич написал это в 1834 году, то есть задолго до отмены крепостного права, и знал он, как известно, именно помещичью деревню Центральной России - как-никак сам был помещиком.

Понятие чести у крестьян непременно соединялось с сознанием честного выполнения своего долга в труде, в исполнении взятых на себя обязательств. Оно включало также правдивость и исключало способность наносить несправедливые обиды.

«Всякий порядочный крестьянин старается держать данное им слово: нарушить его он считает нечестным», - писал активный корреспондент научных российских обществ А. В. Балов на основании собственных длительных наблюдений в Ярославской губернии. «Всякий крестьянин, оберегающий свою честь, старается не быть никогда не только замешанным в какое-либо преступление, но даже и за-подозренным в нём. Он никогда не соглашался ни на плутни, ни на обман, хотя бы это и было допущено в торговле».

Балову вторил С.Я. Дерунов, собиравший материал в Пошехонском уезде этой же губернии. По его наблюдениям, крестьяне считали, что, не уплатив долга на земле, не будешь развязан с земною жизнью на том свете. Поэтому если должник долго не платил, то давший ему ссуду грозил стереть запись о долге (соседский долг записывали обычно мелом), то есть лишить его возможности рассчитаться. Иногда долг записывали зарубками на палках или бирках - тогда пускалась в ход угроза сжечь их. Должник просил не стирать или не сжигать свидетельства о долге. Но вместе с тем Дерунов

отмечал и ослабление твёрдости понятия «держать слово» «в последнее время», то есть в 90-е годы XIX века, объясняя ухудшение нравственности влиянием города и идущим оттуда стремлением к богатству любой ценой.

«Данное слово местные крестьяне стараются исполнять, потому что, по общему воззрению, не исполняющие своего слова сами же от этого и страдают, так как им никто ни в чём не доверяет: если работник не исполнит условие найма или должник не отдаёт в срок долг, то это быстро разносится по всей окрестности; такой крестьянин отовсюду слышит одно: «Ты хоть крестись и божись, всё едино тебе никто не поверит, потому как ты брехун и надуешь... вон Кузьму-то обманул». Так писали из Ростовского уезда.

В ходу было множество пословиц о твёрдом слове: «Моё слово золото», «Не дав слова, крепись, а дав слово, держись», «Уговор дороже денег» и другие.

Умение держать слово особенно ценилось в сделках, которые крестьяне заключали между собой без письменных документов. Не случайно о договоре, заключённом на словах, говорили, что он заключён «на совесть». По договору («ряду»- отсюда, как видим, и наш *порядочный человек*- это тот, кто живёт *по ряду*.) нужно было делать всё беспрекословно. «Не исполнять данного слова, обещания крестьянами считается и за грех, и за стыд».

Крестьянское понятие чести включало в себя также для мужчин отсутствие оснований для оскорблений и умение ответить на незаслуженные поношения; для девушек - чистоту; для женщин - верность.

Очень чётко выступает из многочисленных и разнообразных источников XVIII-XIX веков решительное осуждение русским крестьянством добрых связей. Если такое и случалось, то как исключение, и всегда и повсеместно встречало отрицательную оценку общественного мнения деревни.

«Родители, вообще, весьма строго смотрят за тем, чтобы дело во взаимных отношениях молодёжи не дошло до половой связи, так как это является позором не только для самой девушки, но и для родителей, воспитавших её. Беременность девушки составляет

уже для родителей крайнюю степень позора и бесчестия», - рассказывал наблюдатель из Пошехонского уезда.

Девичью честь крестьяне ценят высоко - так утверждал корреспондент из Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Окружающие порицали девушку, утратившую честь. О том же сообщал и житель Жиздринского уезда Калужской губернии: парни и девушки «не вступают в половую связь». К девушке, потерявшей невинность, относятся с пренебрежением и «обходят выбором в замужестве», добавляет он. Об этом же писали из Орловской губернии: если девушка потеряет честь, её презирают и не возьмут замуж. Если только дурная слава пойдёт, может, и на-прасная, и то страдает вся семья, особенно младшие сестры.

Предосудительной считалась и супружеская неверность. При этом крестьяне более жёстко осуждали неверность жены, чем мужа.

Бесчестием для всякого крестьянина являлось отбытие им телесного наказания или заключения в остроге. И то и другое клеймило человека на всю жизнь... Если такому наказанию подвергся парень, то очень часто девушки отказывались выходить за него замуж.

Что же определяло такую крепкую, устойчивую позицию в делах чести и достоинства простого, а до Великой реформы к тому же ещё и крепостного крестьянина? Несомненно, вера его, сознание ответственности пред Богом за свои поступки. Свидетельства того времени говорят нам, что по мере утраты в обществе веры ослабевали и нравственные устои.

СТРАШНЫЙ ГРЕХ - ТРУСОСТЬ...

Две черты нравственного облика крестьянина - товарищеская взаимопомощь в беде и выполнение взятых на себя обязательств при любых обстоятельствах - наиболее ярко проявлялись в артелях, уходивших на промысел. Промыслы, особенно охотничьи, нередко сопровождалась смертельной опасностью - от зверя, от голода или жажды, от мороза, от обвала или срыва в пропасть в горах. И здесь вступал в силу незыблемый принцип - выручить, не покинуть в беде.

Общественное мнение воспитывало верность товарищу, резко осуждая всякого, кто нарушал эту этическую норму. «Трусость покрыла бы вечным стыдом, и никто бы не захотел делить таёжной жизни с подобным товарищем». Каждый сознавал, что о поступке его станет известно в деревне по возвращении с промысла, а на следующий сезон снова, как каждый год, для участвующего в промыслах крестьянина возникает вопрос о выборе товарищей по артели, и определяющими качествами будут честность и товарищеская надёжность. На промыслах ещё более жёстко, чем в обычной сельской жизни, соблюдались все договоры и все моральные нормы.

ВЫЯСНЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ВОПРОСАХ ЧЕСТИ.

Словесные оскорбления, произнесенные на сходке, считались позорящими. Оскорблённый должен был непременно искать удовлетворения, «иначе над ним все будут смеяться». Он требовал доказательств. Если оскорбитель представлял удовлетворяющие сход доказательства, оскорблённый не имел права мстить. При попытке наброситься на оскорбителя его останавливали: «Не трожь его, он правду баить». Если же доказательства признавались «тёмными», то есть не убеждали сходку, то оскорблённый имел право бить клеветника на людях - никто за того не заступался.

Драки на сходках были запрещены обычаем. Крестьянское общественное мнение считало уместным драку на базаре или в кабаке. Крестьянин, затаивший обиду, старался заманить обидчика в кабак и там расправиться с ним. По сведениям из Орловского уезда, побитым в кабаке мог в этом случае оказаться и староста, и урядник, и старшина. Если пострадавший подавал жалобу общине, ему разъясняли на сходке: «Хорошие люди в кабак не ходят, там всякое бывает, там и чинов нет; на улице бы тебя никто не тронул». Тем самым община подчёркивала свою ответственность за поведение её членов на улицах селения, но снимала с себя - до определенных границ - ответственность за поведение в кабаке.

САМЫЙ ДЕЛИКАТНЫЙ, САМЫЙ БОЛЕЗНЕННЫЙ ВОПРОС.

У русских повсеместно ворота, вымазанные дёгтем, означали позор для всей семьи, и прежде всего для девушки, которая жила в этом доме. После этого она подвергалась насмешкам, презрению, оскорблениям. Как правило, не могла выйти замуж. Но

традиция хранила и возможность защититься от напрасно возведённого позорящего обвинения. Девушка могла обратиться к старосте и просить его собрать сходку, чтобы снять с себя позор, доказав невинность.

Порядок такой сходки описан наблюдателем из деревни Мошковой Орловского уезда. Состав сходки в этом случае был необычным: на ней должны были присутствовать все парни общины. Девушка, по инициативе которой был созван сход, выходила перед всеми и трижды вызывала оскорбителя словами: «Кто меня обесчестил, выходи ко мне и обвиняй меня перед всеми!» - затем она просила общество защитить её «правым судом». Община всегда соглашалась провести рас-следование. Призванная для этого женщина удалялась с девушкой, осматривала её и о результатах сообщала сходке.

Если девушка оказывалась невинной, участники сходки кланялись ей в ноги со словами: «Прости нас, ради Бога, ты не виновата, а мы над тобой смеялись и ду-мали, что ты останешься в вековухах». Девушка, в свою очередь, кланялась «обществу»: «Благодарим и вас покорно за моё оправдание». Если после оправдательного решения сходки кто-либо оскорблял всё-таки девушку, община взимала с него штраф в пользу обиженной, а родственники девушки расправлялись с ним кулаками при одобрении общественного мнения. Если хозяин дома подстерёг человека, мажущего его ворота дёгтем, он мог расправиться с ним жестоко - общественное мнение не осуждало того. Оправданную общиной девушку охотно брал хороший, по местным представлениям, жених. Неоправданная долго не выходила на улицу от позора.

Подобный вопрос ставился на сходке и в том случае, если парень публично заявлял свои права на девушку, с которой был близок, когда она оказывалась просватанной задругого. Оскорбление в этом случае совершалось публично, и потому оскорбитель всегда был налицо.

Оскорбитель должен был доказать сходке, что сказал правду, и после этого обязательно жениться на оскорблённой им девушке, и та не смела отказать ему; подвергалась общему осмеянию и в течение года после замужества не должна была выходить в хоровод и на другие сборища.

Последнее считалось наказанием за потерю чести в девичестве. Если же разбирательством устанавливалось, что оскорбитель оклеветал девушку - «мир» приговаривал его к большому штрафу и изгнанию из деревни на год, а родственники

оскорблённой расправлялись с ним по-своему. По возвращении в свою деревню он ещё в течение двух лет не допускался в хоровод.

Для замужней женщины на Орловщине оскорблением, символизировавшим обвинение в измене, было испачкать ей при всех рубашку сажеей. При этом говорилось: «Запачкала ты себя с таким-то своим беззаконием!» Обвинитель должен был доказать сходке обоснованность своего выпада. Если ему это удавалось, обвинённая подвергалась насмешкам. В течение года она не имела права посещать соседей, даже просто входить к кому-либо в дом. Честь её была навсегда потеряна в глазах общины.

Наряду с репутацией отдельного лица в общине, а отчасти и за её пределами, формировалась и довольно устойчиво сохранялась репутация семей, переходившая нередко из поколения в поколение. При выборе невесты наряду с её положительными качествами учитывалось, что она «из хорошего рода, известного в околотке своей честностью и другими хорошими качествами». Существовала и оценка селения в целом по общепринятой шкале нравственных ценностей, и о ней-то нередко проявляла озабоченность община в ходе обсуждения на сходке тех или иных вопросов. Характерен в этом отношении довод, приводившийся при увещании сходом родителей девицы зазорного поведения: «страдает репутация других (!) девушек селения».

Что и говорить, для нашего времени многие требования, предъявляемые в XIX веке русскими к самим себе, выглядят чересчур строгими, даже превышающими меру человеческого терпения.

Доступнее принять «свободу» как вседозволенность. И это находит понимание у окружающих, переходя во взаимопонимание. Вот почему наличие пороков и греховных пристрастий у женатого предпринимателя не влияет на заключение с ним сделок, то есть общая его репутация не страдает, точнее, не зависит от его личных нравственных установок. В старом времени, особенно в крестьянской среде, было, как видим, совсем иначе...

Автор: Марина Громыко (Русский Журнал, ноябрь 2006)